

требления предложить иные жизненные ценности» (с. 135) и т. п.².

Неужели так-таки и нет никакого сочувствия к человеку ни в «Братьях», ни в «Митиной любви», ни в «Казимире Станиславовиче»? Никакого сожаления о загубленных жизнях в «Легком дыхании», «Несрочной весне», «Холодной осени»? И разве «Окаянные дни» — не исступленный протест против насилия над этическими нормами? В. Линков утверждает, что Бунин — имморалист, равнодушный к добру и злу. Если это так, подобная позиция художника должна была либо исключить употребление слов с этическим значением, либо предопределить их ироническое звучание. Посмотрим с этой точки зрения на лексику речи «Миссия русской эмиграции», где социальные, исторические и нравственные взгляды зрелого Бунина раскрылись наиболее полно и откровенно. В ней писатель обвиняет своих современников «в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы», призывает «не сдаваться соблазнам» ради «неправедного времени сего и для будущих праведных путей», уговаривает собратьев-литераторов «оставить бессердечную... игру словами». Присутствуют в этом выступлении и такие слова, как «совесть», «подлость», «падение» (в нравственном смысле); последнее употреблено шесть раз. Не слишком ли неподходящая лексика для «самого неэтического писателя»? Пусть В. Линков не согласен с бунинскими оценками Октябрьской революции или Добровольческой армии; но как же не заметить, что эти оценки даны именно в моральных категориях? Не странно ли отказывать в нравственных представлениях человеку, призывавшему восстать против «великой лжи» и «бесчестия всех основ человеческого существования»?³

Расширяясь до глобальных обобщений, теряют свою корректность даже те суждения В. Линкова, которые верны по отношению к конкретным бунинским текстам. Так, по поводу «Чаши жизни» исследователь пишет о равнодушии персонажей Бунина к смерти ближнего и, по контрасту, о том, как мучаются в таких случаях герои Л. Толстого (с. 148). В «Чаше жизни» дело обстоит действительно так. А в «Холодной осени», где память об убитом женихе и готовность к загробной встрече с ним — единственный смысл жизни героини? А отчаянные рыдания Ольги Александровны после похорон Николая Платоновича («В Париже»)? А жизнь Хвоцинского, целиком сведенная к боготворению покойной Лушки («Грамматика любви»)? Да и толстовские персонажи, даже самые совестливые из них, —

² Ранее ту же концепцию утверждал Л. Долгополов, считавший, что для Толстого на «первом месте всегда стояло нравственное чувство», а «Бунин следует лишь путем отрицания» — то есть осуждая революционеров, «не имеет ничего, что он мог бы... противопоставить их деятельности и взглядам», — см.: Л. К. Долгополов, На рубеже веков, Л., 1985, с. 311.

³ И. А. Бунин, Миссия русской эмиграции. — «Слово», 1990, № 10, с. 67—69.